

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

УДК 908(470+571)
ББК 71.0

БРЯНСКИЙ ТЕКСТ Л. ДОБЫЧИНА

Вороничева Ольга Викторовна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры философии, истории и социологии,

Брянский государственный инженерно-технологический университет,

просп. Станке Димитрова, д. 3, г. Брянск, Россия, 241037,

e-mail: voronicheva.olga@yandex.ru

Аннотация

Л. Добычин создал оригинальный образ провинциального города 20-х годов XX столетия, прототипом которого является Брянск. Л. Добычин стоял у истоков брянского текста; его рассказы представляют собой интереснейший источник информации о старом городе.

Ключевые слова

Брянский текст, художественное пространство и время, оппозиция, локус, образ города, религия, идеология.

Одними из значимых источников представлений о конкретных местах того или иного географического пространства являются художественные произведения, поскольку в них «всегда присутствует локальный аспект — привязанность мифопоэтического образа к определённом, чаще всего реально существующему месту»¹. Таким реальным местом у Л. Добычина является Брянск, хотя этот астионим писатель не использует ни разу. Приведём основания для такого утверждения. Во-первых, судьбой Добычин был связан только с двумя провинциальными городами: Двинском (1896–1911: детско-юношеский период) и Брянском (1918–1934: основная часть зрелой жизни и почти все годы творчества), на который приходится становление Добычина как писателя. Во-вторых, художественный мир Добычина вполне соответствует его представлениям о Брянске, отразившимся в письмах писателя. В них мы находим указания на те же реалии, что и в произведениях. Так, в письме М. Л. Слоним-

скому от 17 ноября 1930 г. он пишет о характерной брянской примете: «Я не знаю, как изобразить эту улицу. Может быть, Москвы (выделено — Л.Д.) написать прописью. Идея этой улицы та, что она была просто Московская, но её переименовали по случаю революции»². В-третьих, брянские приметы густо представлены в художественном пространстве Добычина. С той же точностью, как в Петербурге восстановлен ареал обитания Родиона Раскольникова, Э.С. Голубевой³ реконструировано место действия героев Добычина. Оно соотносится с реальным, довольно тесным пространством, которое являлось жизненной средой самого писателя. Поэтому, воссоздавая «историко-топографическую реальность» его рассказов, мы, по сути, получаем представление о добычинских местах старого Брянска.

Отдавая себе отчёт в том, что художественное пространство и время далеко не тождествен-

¹ Шукин В. Г. Как и почему рождается литературный локальный текст // Парк Белинского. 2012. № 1. С. 45.

² Добычин Л. И. Полное собрание сочинений и писем. СПб.: Звезда, 1999. С. 303.

³ Подробнее об этом см.: Голубева Э. С. Писатель Добычин и Брянск. Брянск: Автограф, 2005. С. 67–119

ны реальному, мы, тем не менее, рассматриваем рассказы Добычина как бесценное свидетельство о духовной атмосфере, интересах, стиле жизни Брянска 20-х гг. XX в. Поэтому считаем правомерным реконструировать брянский текст на основе его произведений. Актуальность исследования повышается в связи с тем, что писатель стоял у истоков брянского текста, внёс наибольший вклад в его формирование и стимулировал интерес к Брянску со стороны художественной интеллигенции. Его произведения представляют собой информационно-ёмкую систему, аккумулирующую культурные смыслы и одновременно выступающую в качестве смыслопорождающих элементов.

Добычинский город имеет вполне стандартный набор признаков классического провинциального захолустья и составляет устойчивую оппозицию городу-празднику, городу-мечте Петербургу⁴. О монотонной и губительной скуке русской глубинки писали Н. В. Гоголь, С. Т. Аксаков, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. П. Чехов, Ф. К. Сологуб и др., изображая её «как череду подчеркнуто безымянных мест (город N). Это не просто скучно однообразная, погрязшая в обывательщине, пошлости и мещанстве отсталая провинция в духе Бальзака. Это средоточие непостижимо таинственного культурного и духовного вакуума. <...> В литературе провинциальность стала неким атрибутом, метафизическим знаком, хотя и имеющим обозримые географические очертания»⁵. Добычин так же акцентирует внимание на бессобытийности городской жизни: «Часто пили друг у друга чай...»⁶; «Отец, приподняв брови, думал над пасьянсом. Мать порола ватерпруф. Сорокина раскрыла книгу из библиотеки. Тикали часы. Били. Тикали. Собака за окном лаяла по-зимнему»⁷. К слову сказать, брянская реальность подобным образом оценивается Добычиным в письмах. Например, в письме И. И. Слонимской от 13 августа 1930 г.: «Вы писали, что у нас всегда что-то случается, — а только и случается, что дождь то перестанет

идти, то опять пойдёт»⁸. В том же ключе отзывается о Брянске В. В. Розанов, живший в пределах «добычинского квадрата» на три десятилетия раньше, с 1882 по 1887 гг.: «Город ужасающе беден и столь же ленив. <...> Жители же играли в карты... <...> Женщины постоянно пили чай... А в гости они постоянно ходили друг к другу... <...> Вообще же городок жил не склеившейся, рассыпчатой жизнью. Жил лениво, праздно»⁹.

Своеобразие в изображении Добычиным провинциального городка проявляется в отражении главной тенденции постреволюционного времени — конфликта *старого* и *нового* и кардинальной переоценке прежней размеренной жизни в контексте современных автору социальных потрясений и трансформаций.

Провинциальное однообразие осмысливается как некая константа, позволяющая сохранять основополагающие законы мироустройства и создавать зону душевного комфорта среди хаоса, духовного вакуума и идеологического гнёта. По сути, развивается «пушкинское представление о поэтичности обыденного и в высоком смысле неизменного»¹⁰: «Уютно, как в романе из “Приложений”, будет шуметь самовар, от лампы будет домовито пахнуть керосином»¹¹. Стабильный мир обыденных интересов, дел и забот даётся на драматичном фоне агрессивного утверждения отчуждённых от человека форм жизни советского общества. Писатель сумел передать интенсивность и драматизм ломки веками складывавшихся форм жизни и насаждения новых, до конца не сформированных и абсурдных. Тяжёлая и неподвижная российская действительность пришла в движение, лишая человека опоры и разрушая даже то, что представлялось абсолютным. Становится зыбким некогда твёрдый грунт традиций, обычаев, моральных устоев. Эта тенденция социокультурной жизни материализуется и в формах речевого обращения: «Гражданка, гражданочка, — высовываясь из будок, зазывали торговки, — барышня или дамочка!»¹², — и в описаниях внешнего пространства, в котором всё

⁴ Подробнее об этом см.: Вороничева О. В. Образ города в творчестве Л. Добычина // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам в вузах: материалы III международной научно-практической конференции (5 ноября 2015 г., Брянск). Брянск: БГИТУ, 2015. С. 28.

⁵ Лаунсбери Э. «Мировая литература» и Россия // Вопросы литературы. 2014. № 5.

⁶ Добычин Л. И. Указ соч. С. 54.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Там же. С. 312.

⁹ Розанов В. В. Богоспасаемый городок // Розанов В. В. Собрание сочинений. В 27 тт. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 646, 647, 648.

¹⁰ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 19.

¹¹ Добычин Л. И. Указ соч. С. 55.

¹² Там же. С. 52.

рушится или перерождается в более примитивные формы: «Вот всё развалится, — вздыхала Кукина, качая головой на покосившиеся и подпёртые брёвнами домики: — где тогда жить?»¹³; «Перед приютом, вскрикивая за картами, сидели дефективные. — Дом Зуева, — вздохнула Дудкина. — Здесь была крокетная площадка. Цвёл табак...»¹⁴ Мысль о нестабильности жизни и отсутствии твёрдой почвы под ногами прослеживается в описании городских дорог: «Под ногами хлюпало». Апофеозом дорожной темы служит короткая зарисовка из «Ерыгина»: на главной улице города «глина раскисла. У Фани Яковлевны засосало калошу»¹⁵. Дорожные приключения героини имеют вполне реальную основу: «увяз в улице III Интернационала, бывшей Московской, и разорвал левую калошу, за что меня дома будут ругать», — сообщает Добычин 9 ноября 1925 г. в письме К. И. Чуковскому¹⁶.

«Тяжёлая жизнь», покосившиеся дома и «дырявые подмётки» — это всего лишь внешние проявления духовного кризиса человека и общества. Разрушение физического мира осмысливается автором в духе булгаковского профессора: «...если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха»¹⁷. Официальная жизнь города предстаёт у Добычина как бесконечная череда демонстраций по самым различным поводам: «Да здравствует коммунистическая партия»; «Долой Румынию». «Трубя, маршировали» и пели «Вы жертвою пали» на похоронах «исключённой за неустойчивость самоубийцы Семкиной». К Пасхе приурочено дьявольское шествие («Керзон болтался на виселице») с длинными огнями на факелах, их отсветами на медных трубах и лицах «маршировщиков»¹⁸.

Распространителем революционных идей в городе является штрафной батальон: «Штрафные пели Интернационал»; «Штрафные, ползая на корточках, выводили мелкими кирпичиками на насыпанной вдоль батальона песочной полоске: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”». Мельчайшей деталью писатель развенчивает и революционные лозунги: «Трудящиеся всех стран, —

мечтательно говорил Кукину кассир со станции, — ждут своего освобождения. Посмотрите, пожалуйста, достаточно покраснело у меня между лопатками?»¹⁹, — и шумное социалистическое строительство: «Торчали обломки деревьев, посаженных в “День леса”»²⁰. Глубоко символичен выбор ключевых пространственных образов в сцене торжественного открытия памятника революционному деятелю, который приблизился «к разрешению стоявших перед партией задач»: «Сзади было кладбище, справа — исправдом, впереди казарма». Всё это даётся на контрастном фоне заречных просторов: «За лугами бежал дым и делил полосу леса на две — ближнюю и дальнюю», — и мыслей о свободе: «Захотелось небывалого — куда-нибудь уехать, быть кинематографическим актёром или лётчиком»²¹. Как часть открытого природного ландшафта осознаются образы станции за рекой, железнодорожной ветки, паровозов, паровозного дыма, ассоциирующиеся с движением, духовной свободой и новой жизнью.

Природные образы, проникая в пространство города, составляют устойчивую оппозицию образам-символам идеологической пропаганды, соответствуют вечным ценностям и коррелируются с индивидуальным пространством и временем героев: «Потом взошла луна и души смягчились»²². Образ реки с кипящим в воде следом от парохода и набегаящими волнами: «Река была как море»²³, — в рассказе «Отец» рождает ассоциации с полнотой и радостью бытия. Однако он получает неожиданное обрамление: дорога к реке начинается (завязка) и заканчивается (развязка) посещением кладбища, через которое лежит путь отца с малолетними сыновьями, — здесь похоронена мать. Кольцевая композиция даёт понимание глубины внутренней трагедии персонажа, преодолеть которую ему помогает жажда жизни и любви. Менее чем на полтора страницах автор дважды высвечивает характерную деталь — разбитые стёкла церкви — отголоски революционного атеизма докатились и до кладбищенской ограды. Идея «любви к отеческим гробам» сменилась маниакальным стремлением к уничтожению привычных форм жизни: «Рождество наступило. Колокола были сняты и не гудели за окнами. “Пи”, — басом пищал иногда и, трясая улицу,

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 259.

¹⁷ Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 10 тт. М.: Голос, 1995. Т. 3. С. 72.

¹⁸ Добычин Л. И. Указ соч. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Там же. С. 83.

²² Там же. С. 52.

²³ Там же. С. 85.

пробежал грузовик», «Церкви с тусклыми окошками смотрели на луну»²⁴. Беспощадное искоренение религиозных объектов и символов свидетельствует о сужении в городском пространстве области сакрального, элементы которого концентрируются в домашнем топосе: «Перед киотами зажгли лампадки и при двух лампах пили настоящий чай»²⁵. Домашний уют располагает к разговору о вечном: «Дома — пили чай. Сидела гостья. “Наука доказала, — хвастался Павлушенька, — что бога нет”. “Допустим, — возражала гостья и, полузакрыв глаза, глядела в его круглое лицо. — Но как вы объясните, например, такое выражение: *мир божий*?”»²⁶. Подобные беседы происходят именно за чаепитием, выступающим атрибутом домашнего тепла и душевной гармонии.

Устами своей героини, Козловой, писатель выносит приговор этому миру. Если действия «гонителей» вызывают у неё негативную реакцию, но не лишают надежды: «Господи, когда избавимся?..», то поведение епископа, опрокинувшего ведро помоев «под столб с преображением», рождает мысли о конце света: «“Недолго мучиться”, — радостно думала Козлова, смотря ему вслед»²⁷. Авторская позиция проявляется в введении аллюзий и реминисценций, отсылающих читателя к дохристианской истории: языческое поклонение идолам, захоронение тов. Гусева за стенами храма на шумном перекрёстке; через ручей «брошенные вместо мостика конские кости»²⁸; антенны над домами, напоминающие «“колья для насаживания черепов” из книжки с путешествиями»²⁹; неоднократное упоминание иконы и мощей Святого Кукши — первого христианского проповедника, убитого на территории Брянска.

В этом отношении весьма примечательна эволюция образа Новопокровского собора (центрального городского собора Брянска, в здании которого с ноября 1924 г. разместился Народный дом (клуб) имени 25 октября). Лишь в рассказе «Козлова» собор предстаёт действующим: «Сорок восемь советских служащих пели на клиросе». Этой гениальной по своей простоте, краткости и смысловой ёмкости фразой характеризуются Советская власть, церковь и трагедия людей, живущих на изломе времени. Интересны измене-

ния в восприятии Новопокровского собора персонажами: 9 сентября 1923 г. после встречи иконы святого Кукши, которую принесли из собора, герои «возвращались взволнованные»³⁰. В «Ерыгине», написанном в 1924 г., мать главного героя, выбравшаяся в клуб «Октябрь» на ноябрьские праздники, «возвращаясь, плевалась». Её оценка происходящего вполне соответствует позиции автора, неслучайно акцентирующего внимание на одиноко блестящем «золотом шарике на зелёном куполе клуба “Октябрь”»³¹, с которого в 1927 г. был убран купол. Глубоко символический образ Новопокровского собора, позволяющий проследить отрицательную динамику пространства и времени, выступает в качестве структурообразующего элемента художественного мира Добычина.

Приметы *нового* и *старого* органично сочетает в себе амбивалентный образ Покровской Горы — исторического центра Брянска. Одно и то же место реального локуса наделяется совершенно противоположными чертами в контексте характеристики уходящей России: «В воде расплывчато, как пейзаж на диванной подушке, зеленелась гора с церквями»³²; «В воде была гора с садами и церквями, расплывчатая, словно вышитая шерстью по канве»³³ — и России новой: «Гора на другом берегу была бурая, а зимой — грязно-белая, исчерченная тонкими деревьями, будто струями дождя»³⁴. Двукратное использование образа отражённой в воде Покровской горы, воплощающей глубинную суть древнего города с обилием храмов и святых мест, свидетельствует о значимости для писателя истинной веры. Его смысловая ёмкость детерминирована, во-первых, ассоциациями с Китеж-градом; во-вторых, традиционным пониманием символики воды — очищающей силы, освобождающей от греха, грязи, безбожия. Атрибуты абсолютного (сад, церкви) представляют собой не всегда чётко осознаваемый («расплывчатый»), но необходимый культурный фон, обеспечивающий сохранение и воспроизведение духовных ценностей. Зыбкий, исчезающий и одновременно навечно запечатлённый образ древнего города противостоит хаосу и духовной дезориентации постреволюционного времени. Сохранение в мудрой и вечной природе памяти о старом русском городе с обилием

²⁴ Там же. С. 90.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Там же. С. 66.

²⁷ Там же. С. 53.

²⁸ Там же. С. 72.

²⁹ Там же. С. 107.

³⁰ Там же. С. 52.

³¹ Там же. С. 71.

³² Там же. С. 59.

³³ Там же. С. 333.

³⁴ Там же. С. 78.

храмов и истиной верой внушает надежду на духовное пробуждение.

Советская власть, утверждавшая безбожие и стремившаяся к унификации городов, многое разрушила в Брянске. Потери последнего пятилетия не менее трагичны, поскольку знаменуют целенаправленное уничтожение примет старого Брянска и свидетельствуют о не менее масштабных, чем в добычинские времена, разрушениях. Если провести аналогии между современной и отражённой в рассказах писателя динамикой культурного ландшафта, то становится очевидной наметившаяся сегодня гораздо более серьёзная девальвация ценностей. Оппозиция *старое* — *новое* наполнилась принципиально новым содержанием. Под *старым* теперь понимаются не религиозные, а культурно-исторические (в том числе истинной веры) ценности, а под *новым* — не идеологическая пропаганда, а культивирование потребительского сознания и потребностей. Так, полуразваленные исторические здания, имеющие статус охраняемых государством объектов, в центре Брянска придают городу черты пустого, лишённого всяких смыслов, а потому непригодного для полноценной жизни пространства. Эти признаки духовного вырождения отчётливей проявляются на фоне гигантского расширения торгово-развлекательных площадей. Из-за реки (со стороны Фокинского района) Брянск видится уже не отражённым в речной глади, а поглощённым гигантской пастью невиданного чудища с клыками-высотками, хаотично торчащими по всей площади некогда цельного и компактного пространства.

Символично, что старый город исчез так же обыденно и незаметно, как буднично просто навсегда ушёл из жизни сам писатель. Невосполнима утрата исторического центра, в том числе дома Добычина — его последнего прибежища в Брянске. В 1982 г. по решению Брянского горсовета народных депутатов он был снесён вместе со всем комплексом усадебных построек. К слову сказать, это был старинный купеческий особняк Добычиных, впервые упоминаемый в архивах в 1897 г. и переживший немецкую оккупацию в 1941–1943 гг. Сегодня на его месте — пустырь, огороженный забором. Он-то и стал местом паломничества одного из представителей современной минималистической прозы — Дмитрия Данилова. Каждый месяц на протяжении года он приезжал сюда, а затем поделился своими впе-

чатлениями в романе «Описание города»³⁵, в котором он «читателя приводит к тому, что Добычиным в Брянске пропитано буквально всё. Как Брянском — практически всё творчество Добычина»³⁶.

Роман Дмитрия Данилова «Описание города» подтвердил факт того, что добычинский образ Брянска влияет на восприятие города его жителями и гостями. Это влияние детерминировано отразившейся в культурном ландшафте «информацией о фактах биографии Гения, его привычках и т.д.», а главное — преобразованием «Города-глазами-Гения в Город-в-произведении»³⁷. Добычин подчёркивал, что он *небрянский*, но за 16 лет жизни в Брянске сумел постичь его душу, трагедию утраты им самобытности и превращения в унифицированный советский город. «Чтобы до конца понять “Преступление и наказание”, необходимо своими глазами увидеть Садовую, Екатерининский канал и переулки вокруг Сенной площади»³⁸. Чтобы понять Добычина, нужно побывать в Брянске. Чтобы понять старый Брянск, нужно читать Добычина.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, почти вся творческая жизнь писателя связана с Брянском (а не его окрестностями); здесь корни его рода, уходящего в семнадцатый век. Его произведения представляют собой полноценный и крайне редкий, если не единственный, художественный источник знаний о старом городе. Творчество Добычина явилось своеобразной точкой отсчёта, обозначившей начало пристального интереса к Брянску российских писателей и искусствоведов, продолжающих и обогащающих брянский текст. С другой, — в культурном ландшафте современного города не существует ни одного напоминания о Добычине: ни мемориального места, ни пространственного объекта, связанного с его именем. Очевиден диссонанс между значимостью вклада писателя в создание брянского текста и пренебрежением памятью о нём в прославленном им локусе. Между тем, по мысли Н. А. Голубева, обоснование

³⁵ Данилов Д. А. Описание города: роман // Новый мир. 2012. № 6. С. 3–76.

³⁶ Лебедев С. В. Портрет художника в топосе (Брянская «одиссея» Л. Добычина глазами Д. Данилова) // Новый мир. 2014. № 11. С. 173.

³⁷ Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 63.

³⁸ Щукин В. Г. Указ соч. С. 45.

уникальности территории средствами культурной и литературной идентификации является наиболее эффективным средством «скрепления» человека с местом³⁹.

Итак, образу типичного провинциального города Добычин придал исключительно самобытные черты, позволяющие безошибочно узнать в нём реально существующий прототип.

³⁹ См.: Голубев Н.А. Формирование локального текста: ивановский опыт. дис. ... канд. филологических наук: 10.01.01. Иваново, 2014. С. 5.

В качестве доминантных точек художественного пространства, определяющих смысловую и структурную целостность текста города, писателем осмыслены образы Новопокровского собора, железной дороги, реки и штрафного батальона. Реконструировав исключительно самобытную, объёмную и динамичную картину жизни Брянска во всех её проявлениях, Добычин способствовал насыщению территории новыми смыслами, создающими условия для полноценной жизни человека.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 10 тт. М.: Голос, 1995. Т. 3. С. 72.
2. Вороничева О. В. Образ города в творчестве Л. Добычина // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам в вузах: материалы III международной научно-практической конференции (5 ноября 2015 г., Брянск). Брянск: БГИТУ, 2015. С. 25–34.
3. Голубев Н.А. Формирование локального текста: ивановский опыт: дис. ... канд. филологических наук: 10.01.01. Иваново, 2014. 241 с.
4. Голубева Э. С. Писатель Добычин и Брянск. Брянск: Автограф, 2005. 130 с.
5. Данилов Д. А. Описание города: роман // Новый мир. 2012. № 6. С. 3–76.
6. Добычин Л. И. Полное собрание сочинений и писем. СПб.: Звезда, 1999. 544 с.
7. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 62–87.
8. Лаунсбери Э. «Мировая литература» и Россия / перевод с английского О. Наумовой // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 9–24. Ссылка на электронную версию: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/5/11.html> (дата обращения: 07.12.2015).
9. Лебедев С. В. Портрет художника в тополе (Брянская «одиссея» Л. Добычина глазами Д. Данилова) // Новый мир. 2014. № 11. С. 166–176.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб., 2000. 704 с.
11. Розанов В. В. Богоспасаемый городок // Розанов В. В. Собрание сочинений. В 27 тт. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 645–649.
12. Шукин В. Г. Как и почему рождается литературный локальный текст // Парк Белинского. 2012. № 1. С. 30–46.

BRYANSK TEXT OF L. DOBYCHIN

Voronicheva Olga Viktorovna,

PhD in Philology,

Associate Professor of the Department of Philosophy, history and sociology,

Bryansk State Engineering Technological University,

e-mail: voronicheva.olga@yandex.ru

Abstract

L. Dobychin created the original image of the provincial town of the 20-ies of the XX century, the prototype of which is Bryansk. The images of Novopokrovskiy Cathedral, Pokrov Mountain, river and railway are comprehended by the writer as the dominant points of artistic space that determine the meaning and the structural integrity of the town text. L. Dobychin was at the forefront of the Bryansk text; his stories are an interesting source of information about the old town.

Keywords: Bryansk text, artistic space and time, opposition, locus, image of the town, religion, ideology.